

Наркомат юстиции РСФСР и управление судебными органами в 1941–1945 гг.

Владислав Рыбаков

RSFSR People's Commissariat for Justice and its activity on the courts management (1941–1945)

Vladislav Rybakov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23030069, EDN: EPXCDT

В историко-правовой литературе отсутствие независимости судебных учреждений в советском государстве рассматривается как общепризнанный факт. Её и не могло быть в условиях господства принципа единства власти. Эта черта ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда органы юстиции служили одним из наиболее важных «приводных ремней» в репрессивном аппарате СССР.

Содержательное наполнение термина «управление в сфере юстиции», в частности отнесение к нему судов, в современных исследованиях является дискуссионным¹. По мнению Р.С. Абдулина, Наркомат юстиции СССР уже в предвоенные годы превратился в орган судебного управления и политики². При этом П. Соломон утверждал, что система правосудия в сталинский период была в значительной степени самостоятельна по отношению к административным структурам³. Однако целостного представления о механизме взаимодействия между ними учёный не дал, а военное время и вовсе осталось вне его поля зрения. Отдельные элементы управления судами, осуществлявшегося наркоматами юстиции в военный период, рассмотрены А.И. Казаковым, А.Я. Козинцевым, Р.С. Абдулиным⁴ и другими авторами.

© 2023 г. В.А. Рыбаков

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

¹ *Олейник И.И.* Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917–1936 гг.). Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; *Козинцев А.Я.* Государственная политика в СССР в 30–50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш, 2008.

² *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федерации (1917–1990 гг.): историко-юридическое исследование. М., 2014. С. 199.

³ *Solomon P.H., Jr.* Soviet criminal justice under Stalin. Cambridge, 1996. См. также: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998; Изд. 2. М., 2008.

⁴ *Казаков А.И.* Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 годы. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; *Козинцев А.Я.* Наркоматы юстиции союзных республик как органы судебного управления накануне и в годы Великой Отечественной войны // Военно-юридический журнал. 2008. № 12. С. 18–21; *Козинцев А.Я.* Народные комиссариаты (министерства) юстиции союзных республик в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Военно-юридический журнал. 2012. № 2. С. 28–32; *Козинцев А.Я.* Управления наркоматов юстиции НКЮ союзных республик как органы судебного управления накануне и в начале войны

Однако совокупность инструментов, при помощи которых обеспечивалось подчинение судебных органов административным, изучена недостаточно. Между тем в чрезвычайных условиях 1941–1945 гг., ставших своеобразным «моментом истины» и «лакмусовой бумагой» как для советского правосудия, так и для сталинской системы в целом, специфика их функционирования проявлялась особенно отчётливо. Анализ полномочий Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР и их реализации на практике позволяет раскрыть механизм управления судами.

Накануне Великой Отечественной войны в ведении НКЮ находилась обширная сеть судебных учреждений: Верховный суд республики, верховные суды АССР (16), краевые и областные (54), окружные (17), а также народные суды (5154)⁵. Наркомат управлял ими, выполняя как организационные, так и контрольные функции. Он имел право проверять их деятельность и правильность применения ими законодательства, направлять неверно разрешённые дела в Верховный суд РСФСР, исследовать и обобщать судебную практику, издавать приказы и инструкции по организации и совершенствованию работы судов⁶. Руководство народными судами осуществлялось через НКЮ автономных республик, краевые и областные управления республиканского наркомата.

Война повлекла за собой значительные изменения, направленные на ужесточение мер наказания по обвинению в контрреволюционных, военных и должностных преступлениях, преступлениях против порядка управления, а также посягательствах на социалистическую собственность. Появились новые нормативные акты карательного характера. Так, президиум Верховного совета СССР в 1941 г. принял указы 6 июля – об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, и 26 декабря – об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с работы, в 1942 г.: 13 февраля – о мобилизации трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве и 15 апреля – об ответственности за уклонение от мобилизации на сельхозработы или за самовольный уход мобилизованных с работы. На базе народных, краевых и областных судов на территориях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий создавались военные трибуналы, руководство которыми поручили местным управлениям юстиции⁷.

В других местностях обвинения в хищении социалистической собственности, спекуляции, растрате, самовольном уходе с предприятий, уклонении от мобилизации рассматривали народные суды. Период 1941–1945 гг. отличается

(1939–1942 гг.) // История государства и права. 2014. № 3. С. 49–54; *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федерации...

⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 14, д. 110, л. 2; оп. 16, д. 62, л. 116.

⁶ Постановление СНК РСФСР № 646 от 11 ноября 1939 г. «Об утверждении Положения о Народном комиссариате юстиции РСФСР» // Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР. 1939. № 10. Ст. 37.

⁷ Так, в Москве, находившейся на осадном положении с 20 октября 1941 г., управление НКЮ осуществляло руководство и контроль над работой городского военного трибунала. Подробнее см.: *Абдулин Р.С.* Судебное управление в Российской Федерации... С. 200–202; *Латышева Н.А.* Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 19–23.

наибольшим числом репрессированных за всю историю СССР: около 16 млн человек, из них суды общей юрисдикции приговорили 13 млн⁸.

Существенные изменения в законодательстве и возрастания роли органов чрезвычайной юрисдикции не повлияли на формы и методы работы Наркомюста РСФСР. Основными инструментами судебного управления оставались его указания по применению законов и по работе судов, ревизии и проверки, административные решения в отношении судей. Ещё 8 апреля 1941 г. замнаркома юстиции РСФСР приказал начальникам управлений принять меры по устранению случаев наказания спекулянтов ниже санкции, установленной ст. 107 УК РСФСР (лишение свободы на срок не менее пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества). Следовало принять меры к отмене уже вынесенных приговоров по этим делам⁹.

Во время войны особое внимание органов юстиции обращалось на судебную практику по контрреволюционным преступлениям. Так, секретная директива № 18/28с, направленная 15 сентября 1941 г. заместителем наркома юстиции СССР И.А. Басавиным (с 5 января 1944 г. — нарком юстиции РСФСР), предписывала судам, независимо от объявления местности на военном положении, применять ч. 2 ст. 58–10 УК РСФСР¹⁰. В соответствии с ней за антисоветскую агитацию и пропаганду могла быть назначена смертная казнь, в то время как ч. 1 этой статьи предусматривала только лишение свободы. Бригада НКЮ РСФСР, обследовавшая в сентябре 1941 г. деятельность Верховного суда республики, указала, что «наиболее типичные политические ошибки и извращения» в работе коллегии заключались в сохранении по ряду дел в силе приговоров по ч. 1 ст. 58–10 УК (8–10 лет лишения свободы) вместо переквалификации на ч. 2 этой статьи, основной мерой наказания по которой был расстрел¹¹.

24 сентября 1941 г. на совещании членов Верховного суда РСФСР замнаркома юстиции И.Д. Перлов откровенно заявил: «Спрашивается, когда судишь по этой статье, надо ли всех расстреливать?.. Санкция этой статьи требует применения расстрела, если нет смягчающих вину обстоятельств. Надо понять, что репрессия применяется в условиях военного времени, а то можно так разжигать 2 ч. 58–10 ст. УК, что и боевой дух её пропадёт». Как справедливо отметил О.В. Будницкий, судьям приходилось не столько объяснять основания для применения смертной казни, сколько искать оправдания, почему они её не применили¹².

НКЮ регулярно требовал от судов ужесточения наказаний. 31 октября нарком К.П. Горшенин издал секретный приказ № 07к о работе по делам о контрреволюционных преступлениях в военное время. В нём говорилось, что суды не перестроили свою деятельность в соответствии с требованиями обстановки, «в ряде случаев проявляют гнилой либерализм», выносят мягкие приговоры, неверно квалифицируя антисоветскую пропаганду. Так, Астраханский окруж-

⁸ *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941: toward a history of wartime Stalinist criminal justice // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history.* Vol. 20. 2019. № 3. P. 447. Сведения о числе осуждённых взяты из: История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. М., 2004. С. 620.

⁹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 34, л. 29.

¹⁰ Там же, оп. 16, д. 36, л. 58. Эту директиву отменили в апреле 1942 г.

¹¹ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 11.

¹² *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941... P. 454–455; ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 11.

ной суд приговорил некого Красавина к лишению свободы сроком на восемь лет по ч. 2 ст. 58–10 за «пораженческую агитацию», проводившуюся 22 июня 1941 г. Как утверждалось в приказе, Красавин служил в армии Н.Н. Юденича, выдавал коммунистов, в 1935 г. высылался НКВД на пять лет, и никаких оснований к смягчению наказания суд не имел. Приказ также требовал от судебных органов после начала войны квалифицировать «контрреволюционную агитацию и пропаганду» по ч. 2 ст. 58–10 независимо от наличия или отсутствия в местности военного положения¹³.

Указания НКЮ и отмена Верховным судом РСФСР приговоров из-за их мягкости привели к тому, что отдельные областные суды стали огульно применять по таким делам высшую меру наказания¹⁴, а общее количество расстрельных приговоров, утверждённых судами республики, возросло в третьем квартале по сравнению с первым полугодием 1941 г. почти вдвое (487 против 286), а в четвёртом – ещё в 2,5 раза (1194)¹⁵.

Курс на ужесточение проводился и в отношении других преступлений. В 1942 г. по итогам ревизии органов юстиции Татарской АССР подверглась критике «недостаточно репрессивная» политика судов в отношении лиц, привлечённых к ответственности за прогулы и самовольный уход с работы по указу 26 июня 1940 г. В народных судах автономии реабилитировали более 3,5 тыс. человек, а местный нарком юстиции М.С. Якупов ещё и поставил вопрос о том, что по данному указу в массовом порядке под суд отдаются невинные люди. Этот «непорядок» Наркомюст потребовал ликвидировать¹⁶. Приказ наркома юстиции РСФСР 12 декабря 1942 г. осудил «либеральное» отношение судов Коми АССР к расхитителям социалистической собственности, растратчикам, спекулянтам и дезорганизаторам производства¹⁷.

Впрочем, в следующем году, под влиянием нареканий и указаний из НКЮ СССР, а также приказа наркомов обороны и внутренних дел и прокурора СССР 13 марта 1942 г. «О призыве в Красную армию лиц, осуждённых к лишению свободы [на срок] не свыше 2-х лет без поражения прав»¹⁸, Горшенин объявил, что борьба с «либерализмом судов» устарела. В условиях войны опаснее незаконное осуждение, и преступнику надо дать возможность пойти на фронт и искупить вину кровью¹⁹. Таким образом, указания Наркомата, требовавшего от судебных учреждений ужесточения или смягчения наказаний, следовали директивам партийных и государственных органов. При этом степень несвободы судов оказывалась различной, находясь в зависимости от характера преступлений.

Другая часть директив и указаний НКЮ РСФСР предполагала исправление очевидных нарушений в применении норм процессуального характера. Так, широкое распространение в военное время получило заочное рассмотрение дел о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и из учреждений. Ежегодно в народные суды поступало около 200 тыс. таких обвинений, из них

¹³ ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 37, л. 106–109.

¹⁴ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 11. Подробнее см.: *Budnitskii O. The Great Terror of 1941...* P. 447–480.

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 10.

¹⁶ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 51, л. 64–67.

¹⁷ Там же, оп. 16, д. 40, л. 139, 141.

¹⁸ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 43–43 об.

¹⁹ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 57, л. 77; д. 58, л. 47.

в ряде областей свыше 80% рассматривались заочно²⁰. Наркомат неоднократно указывал судам и управлениям юстиции на местах на недопустимость этого, а также запрещал единоличное рассмотрение дел об ответственности колхозников за невыработку трудовой²¹.

В годы войны очень часто совершались преступления, связанные с нарушением правил торговли и спекуляцией сельхозпродуктами, продовольственными товарами и промтоварными карточками и др. С 1941 по 1945 г. в народные суды РСФСР поступило более 103 тыс. уголовных дел по ст. 107 УК (спекуляция), по которым осудили почти 61 тыс. человек. За этот же период по ст. 105 (нарушение правил торговли) привлекли к уголовной ответственности почти 91 тыс. человек, из них осудили 80 тыс.²², во многих случаях бесосновательно. Народным судам приказом наркома юстиции РСФСР № 26 31 мая 1944 г. предписывалось прекратить незаконную практику осуждения граждан по ст. 105 за единичную и случайную перепродажу купленных товаров и обмен товаров в потребительских целях. Одновременно требовалось не допускать наказания по этой статье явных спекулянтов, применяя к ним ст. 107²³.

Директивная деятельность НКЮ РСФСР на всём протяжении войны оставалась достаточно активной. Исключением стал лишь 1942 г., когда большая часть подразделений и сотрудников Наркомата находилась в эвакуации в Чкаловской обл. Каждое полугодие на места рассылалось от 17 до 32 директивных и методических писем²⁴. В частности, во второй половине 1941 г. Наркомат дал судам 19 указаний, а общее число разосланных директивных писем, в том числе от НКЮ СССР и Верховного суда РСФСР, составило 28²⁵. Значительная часть этих документов, исходивших от Наркомюста РСФСР, посвящалась организации работы судов, регламентации процесса по разным категориям дел, уточнению применения правовых норм, результатам обобщения судебной практики, оказанию помощи судьям.

Начальники краевых и областных управлений юстиции также имели право давать судам руководящие указания. Во многих случаях это приводило к нарушению законов. В данном отношении выделялось управление НКЮ по Ростовской обл., которое направило народным судам несколько противоправных директив: о привлечении к уголовной ответственности за обмен предметов широкого потребления на сельскохозяйственные продукты при отсутствии в нём признаков спекуляции, о привлечении за самогонварение во всех случаях как за спекуляцию, о единоличном рассмотрении дел об ответственности колхозников за невыработку трудовой. В результате народный суд Андреевского района 30 января 1942 г. вынес обвинительный приговор местной жительнице Свечкиной за продажу на рынке лимона, купленного в магазине (ст. 105). На-

²⁰ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 102, л. 64.

²¹ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 47, л. 32–37; оп. 16, д. 47, л. 11 об. Проблему решило – по крайней мере формально – постановление СНК СССР № 1952 1 августа 1945 г. «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и из учреждений» (см.: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 259).

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 975, л. 23, 67, 70.

²³ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 61, л. 62 об.

²⁴ Там же, д. 428, л. 152–154; д. 464, 508–509, 543; оп. 16, д. 47, л. 6; д. 51, л. 77–77 об.

²⁵ Там же, оп. 13, д. 428, л. 152–154.

родный суд второго участка г. Новошахтинска осудил за спекуляцию (ст. 107) и приговорил к десяти годам лишения свободы колхозника Гайворененко за продажу мяса принадлежавшей ему коровы²⁶. Эти приговоры и указания народным судам Ростовской обл. впоследствии отменили.

Однако практика издания директив и приказов по вопросам, не входившим в компетенцию местных руководителей, имела место и в других областных структурах НКЮ. При этом они нередко прямо противоречили закону и постановлениям пленума Верховного суда СССР. Так, начальник управления по Сталинградской обл. выпустил совместно с прокурором и начальником областной милиции директиву, обязавшую судебные органы привлекать к ответственности граждан за всякий обмен, вне зависимости от наличия или отсутствия в нём признаков спекуляции. И.о. начальника управления по Смоленской обл. 26 мая 1942 г. категорически запретил судам назначать условное осуждение по всем делам, вне зависимости от характера преступления и личности обвиняемого. Он же велел применять максимум санкций за прогулы и самовольные уходы с работы²⁷. Согласно указу 26 июня 1940 г., наказание за прогул предусматривалось в виде исправительно-трудовых работ сроком до шести месяцев с удержанием до 25% заработной платы, а за самовольный уход с предприятия или из учреждения полагалось тюремное заключение от двух до четырёх месяцев.

Управление по Молотовской обл. неоднократно давало народным судам противоправные установки. В результате применялись меры наказания, не предусмотренные законами, без учёта как личности обвиняемого, так и существа дела. По указанию начальника управления прекратили ряд дел о мелких кражах на производстве, в то же время остались в силе приговоры по делам, подлежащим прекращению за отсутствием состава преступления²⁸. Прямым вмешательством в работу судебной системы стала директива начальника управления по Ярославской обл. 2 марта 1942 г., обязавшая народных судей высылать председателю облсуда для проверки приговоры по делам о преступлениях, связанных с весенним севом²⁹. Одновременно с этим, впрочем, выходили указания местных управлений юстиции, нацеленные на действительное улучшение организации работы судов и соблюдение законности в их деятельности. Они касались требований к срокам рассмотрения дел, своевременной отчётности и т.д.

Основной формой контроля за деятельностью судебных органов являлись комплексные и целевые проверки. Как правило, ревизия (комплексное обследование) осуществлялась бригадой оперативных работников наркомата и местных управлений юстиции. Целевая проверка, проводившаяся чаще всего отдельным ревизором, предполагала контроль выполнения конкретных постановлений партии и правительства, приказов наркомюстов СССР и РСФСР или рассмотрение какого-либо участка работы суда. Целью этих действий являлось исправление недостатков и оказание практической помощи судьям³⁰. Результаты ревизий и проверок обычно обсуждались на заседаниях коллегии НКЮ РСФСР, а затем оформлялись приказом наркома или его заместителя с требованием устранить выявленные нарушения и привлечь виновных к ответственности.

²⁶ Там же, д. 47, л. 32–37.

²⁷ Там же, д. 49, л. 3.

²⁸ Там же, д. 50, л. 74–74 об.

²⁹ Там же, д. 49, л. 3.

³⁰ Там же, д. 61, л. 134.

Ревизии стали главным методом управления судами ещё до начала войны. Начальник управления судебных органов (с 1939 г.) и одновременно (с лета 1941 г.) заместитель наркома юстиции РСФСР Перлов приложил немало усилий, чтобы наладить систему плановых проверок региональных судов. Ревизоров стали прикреплять к определённым территориям, а в октябре 1942 г. утвердили примерную программу ревизии народного суда. Количество проверок в условиях военного времени не сократилось, сузилась лишь их география, главным образом в связи с оккупацией ряда территорий³¹. В то же время уменьшилось количество обследований народных судов местными управлениями юстиции. Так, управление НКЮ по Свердловской обл. в первый год войны ревизовало только 43 судебных участка из 117³².

Анализ 25 отчётов краевых и областных управлений юстиции, проведённый в 1943 г. показал, что произошло перераспределение форм контроля в пользу целевых проверок по делам о прогулах и самовольном уходе с предприятий и из учреждений, невыработке колхозниками обязательного минимума трудовой, контрреволюционных преступлениях, расхищении продовольственных и промышленных товаров, растратах и хищениях в кооперации и государственной торговле, спекуляции и др.³³

Наиболее результативными показали себя ревизии, в которых принимали участие руководители НКЮ РСФСР. В 1943 г. бригада во главе с Перловым работала в Молотовской, а затем в Кировской и Кемеровской областях. Бригада во главе с замнаркома Е.А. Румянцевой побывала в Саратовской, а затем в Тамбовской областях. В феврале 1943 г. бригада во главе с Горшениным ревизовала Свердловский областной и 44 местных народных суда. Внимание ревизоров сосредоточилось на делах о трудовых преступлениях, растратах и хищениях. По результатам изучения судебной практики местным работникам указали на ошибки. Так, в Свердловске выявили недостатки, типичные и для других областных судов: вынесение неправильных определений, дача народным судам разноречивых указаний, игнорирование процессуальных нарушений, оглашение на заседаниях не всех документов, в том числе приговоров. Многие судьи не знакомились с поступавшими жалобами и протестами на приговоры, отправляли их в Верховный суд РСФСР с большим опозданием³⁴.

В ходе ревизий изучались местные кадры, уровень их подготовки и целесообразность расстановки, работа аппарата судов и судебных исполнителей, оказывалась помощь в устранении недостатков. Так, в конце 1942 г. бригада из центра укомплектовала состав народных и областного судов Горьковской обл., проверила 32 народных суда и провела инструктаж их работников, изучила судебную практику по ряду дел важнейших категорий, сделала представления по тем из них, которые сочла неправильно разрешёнными. Итоги ревизии обсудили на совещании сотрудников управления и народных судей, доложили

³¹ См.: В коллегии НКЮ СССР. Итоги проверки работы НКЮ РСФСР за время войны // Социалистическая законность. 1942. № 13–14. С. 27–29; ГА РФ, ф. А-353, оп. 16, д. 51, л. 3, 74–74 об.; д. 56, л. 3 об., 58 об.–59; ф. Р-9492, оп. 1, д. 77, л. 42.

³² *Кодинцев А.Я.* Управления наркоматов юстиции НКЮ союзных республик... С. 53.

³³ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 91, л. 50; ф. А-353, оп. 13, д. 428, л. 9–9 об.

³⁴ *Кодинцев А.Я.* Уголовное судопроизводство в СССР в годы войны // История государства и права. 2012. № 16. С. 43–44; ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 428, л. 7 об.; оп. 16, д. 45, л. 53.

секретарю обкома³⁵. Ревизия Ярославского облсуда выявила случаи неосновательной отмены приговоров или, наоборот, оставления в силе незаконных решений, а также ошибки в кассационной практике. Кроме того, стало известно о составлении членом облсуда подложного определения. Итоги ревизии обсуждались на совещании работников облсуда и были представлены председателю облисполкома³⁶.

Однако в большинстве случаев проверки не достигали главной цели – выявления и исправления допущенных ошибок и улучшения работы судебного учреждения. Качество их проведения в целом оставалось крайне низким, что неоднократно отмечалось и НКЮ РСФСР, и местными структурами. Так, в протоколе закрытого партсобрания управления по Ростовской обл. 29–30 июля 1943 г. говорилось, что ревизии «недостаточно глубокие, поверхностные, не дающие должного эффекта в работе проверяемого народного суда»³⁷. Это приводило к пересмотру более высокой судебной инстанцией значительного количества приговоров и решений. По данным облсуда, только в марте–июле отменили 27% приговоров и 55% решений народных судов³⁸. Всего же по СССР, согласно данным управления кадров ЦК ВКП(б), только за 1942 и первый квартал 1943 г. вышестоящие инстанции отменили приговоры народных судов по уголовным делам в отношении 103461 человека. В каждом таком случае отмечались серьёзные нарушения законодательства, допускаясь при их вынесении³⁹.

В 1941–1942 гг. в Татарской АССР необоснованного преследовался сельский актив. Так, председателя колхоза «Иркен-Юл» Альметьевского района на второй день после избрания на должность отдали под суд за невыполнение плана зернопоставок и приговорили к четырём годам лишения свободы (по ст. 59–6). Председатель колхоза Кзыл-Юльского сельсовета на втором месяце деятельности получил год исправительно-трудовых работ за несвоевременный ремонт молотилки (по ст. 111). Оба факта прошли мимо внимания ревизорского аппарата НКЮ автономии, который реагировал на случаи необоснованного осуждения с большим опозданием. Пересмотр дел выявил много подобных случаев⁴⁰.

Нередко выводы о правильности применения народными судами тех или иных мер наказания проверяющие делали на основании лишь статистических данных о процентах отмены или оставления в силе приговоров и решений, на основании незначительного количества дел или вообще без их изучения и анализа. К примеру, ревизор управления по Горьковской обл., проверив всего шесть дел по ст. 79–4 (преступно-небрежное обращение с лошадьми), из которых по двум вынесли оправдательные приговоры, а одно прекратили за отсутствием состава преступления, сделал вывод: «Таким образом, по 50% дел этой важнейшей категории виновные остаются не наказанными»⁴¹.

³⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 428, л. 4 об.–5.

³⁶ Там же, л. 5–5 об.

³⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО), ф. 1881, оп. 1, д. 3, л. 38 об.

³⁸ Там же, л. 30–30 об., 39. Следует заметить, что высокий процент отмен характерен и для предвоенного времени. По сведениям начальника УНКЮ по Ростовской обл., в 1939 г. отменялось до 50% приговоров и решений народных судов (Там же, д. 1, л. 5).

³⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 466, л. 61.

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 180–181.

⁴¹ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 61, л. 102 об.–103.

Анализ работы судов зачастую производился только по докладам их руководителей, а также по другим имевшимся в НКЮ РСФСР материалам. Так, обследовавшему судебные органы Чувашской АССР ревизору из Москвы местные работники составили отчёт, который проверяющий и представил в наркомат как акт ревизии⁴². Но главная проблема заключалась в том, что во многих случаях по актам обследований не принимались меры к исправлению действительно незаконных и часто жестоких приговоров и решений, а также иных выявленных недостатков.

Низкое качество ревизий отличало местные управления юстиции, контролировавшие работу народных судов. Ещё в апреле 1941 г. на совещании актива НКЮ РСФСР отмечалось, что начальникам управлений необходимо самим участвовать в проверках, таким образом поднимая их уровень, показывая, как правильно осуществить ревизию, составить акт, оказать помощь судьям, разработать мероприятия по улучшению их работы и т.п.⁴³ Однако, несмотря на неоднократные требования ведомства, местные руководители не только избегали этого, но и не инструктировали ревизоров. В итоге проверки не достигали результата.

Показателен пример проверки областным управлением работы народного судьи Перевозского района Горьковской обл. Ванчагова. Она носила формальный характер и не вскрыла его преступной деятельности. Позже выяснилось, что с 1940 по 1943 г. он присваивал промтовары и продовольствие из вещественных доказательств, а также пьянствовал при исполнении служебных обязанностей. Управление не выявило злоупотребления и двух других народных судей⁴⁴. Аналогичный случай имел место в управлении по Алтайскому краю, которое, располагая сведениями о систематическом грубом нарушении законов народным судьёй Алейского и Шаргинского районов Крупининым, тем не менее в феврале 1943 г. направило его на работу в Калманский район и в течение целого года не осуществляло за ним контроля. Впоследствии, при проверке районного народного суда, обнаружилось, что в 15 уголовных и 68 гражданских делах за 1943 г. отсутствовали протоколы заседаний, и был выявлен случай написания приговора самой осуждённой. Кроме того, Крупинин появлялся в суде в пьяном виде, склонял к сожительству сотрудниц канцелярии, вместо марок об оплате государственной пошлины принимал от истцов наличные деньги, которые оставлял себе, и т.д. Только после сигнала о злоупотреблениях судьи управление организовало проверку его работы⁴⁵.

Особенно осложняли ситуацию на местах профессиональная слабость ревизорского состава и нехватка кадров. Почти половина оперативных работников краевых и областных управлений юстиции не имели юридического образования⁴⁶. Положение выразительно характеризует ситуация в НКЮ Татарской АССР, где в первом квартале 1942 г. работал только один ревизор, притом недостаточно компетентный. Из-за этого наркомат не мог оказывать судебным органам практической помощи. Истребованные дела изучались в отрыве от деятельности судов, которые не информировались о допущенных ими ошибках⁴⁷.

⁴² Там же, д. 428, л. 1.

⁴³ См.: *Абдулин Р. С.* Судебное управление в Российской Федерации... С. 204.

⁴⁴ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 442, л. 157–158.

⁴⁵ Там же, ф. А-353, оп. 16, д. 49, л. 62–62 об.

⁴⁶ Там же, оп. 14, д. 110, л. 2, 4–5, 8, 10–15.

⁴⁷ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 184.

Каждый год на заседаниях коллегии Наркомюста РСФСР говорилось про дефицит квалифицированных ревизоров, неподготовленность к проверкам и их поверхностное проведение, отсутствие какого-либо анализа, а главное — неспособность помочь судьям в их повседневной деятельности. Однако почти ничего не менялось, уровень их работы оставался довольно низким.

Административные органы имели широкие полномочия в области наказания и поощрения судебных работников, что служило одним из действенных способов управления ими. Ещё до войны — 29 июля 1940 г. — по указу Президиума Верховного совета СССР наркоматы и их местные управления получили право налагать на судей дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, выговор с предупреждением о постановке вопроса об отзыве с должности (его вынесение являлось прерогативой наркомов юстиции СССР и союзных республик)⁴⁸. Однако в документах НКЮ РСФСР военного периода встречаются и другие виды взысканий: строгий выговор и предупреждение. Так, 29 июня 1942 г. народному судье Октябрьского района Татарской АССР Мальковской объявили строгий выговор за волокиту с исполнением приговора в отношении прогульщиков и лиц, самовольно ушедших с предприятий. Проверка установила, что некоторые приговоры судья направляла на исполнение с задержкой до двух месяцев после их вынесения⁴⁹. Местные руководители нередко более активно пользовались своими правами. Например, нарком юстиции РСФСР в первом полугодии 1943 г. наложил дисциплинарные взыскания на 27 судей, а во втором — на 23⁵⁰. В свою очередь, начальник управления по Кировской обл. лишь за три месяца того же года подверг санкциям 26 народных судей из 67 имевшихся⁵¹.

Наряду с разного рода взысканиями приказом НКЮ СССР 27 сентября 1941 г. наркомы юстиции автономий и начальники управлений получили право ставить перед местными советами вопрос об отзыве народных судей⁵². Однако кое-где на местах пошли дальше. Учитывая нерегулярность проведения сессий советов в военных условиях, есть основания полагать, что начальники управлений сами снимали и назначали судей. Так, 12 марта 1945 г. из Ростовской обл. отчитались об освобождении от должности десяти судей (10% от их общего количества в области), причём инициатива исходила от ревизоров⁵³. Но наиболее яркий случай произвола связан с Москвой, где в октябре 1941 г. дошло до того, что начальник управления НКЮ не только бежал из столицы (хотя перед этим получил разрешение одного из секретарей горкома), но и издал приказ о роспуске в городе судов⁵⁴.

⁴⁸ Указ Президиума Верховного совета СССР от 29 июля 1940 г. «О дисциплинарной ответственности судей» // Ведомости Верховного совета СССР. 1940. № 28.

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 71, л. 182, 186.

⁵⁰ Там же, ф. А-353, оп. 16, д. 47, л. 12 об.—13 об., 95—97.

⁵¹ *Кодинцев А.Я.* Кадровый состав советских судов в 1941—1945 годах // Администратор. 2011. № 1. С. 37.

⁵² ГА РФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 63, л. 75.

⁵³ ЦДНИ РО, ф. 1881, оп. 1, д. 5, л. 11—12. Хочу извиниться за неточное изложение этого материала в более ранней публикации: *Рыбаков В.А.* Административные органы юстиции на местах в годы Великой Отечественной войны // Ноябрьские историко-архивные чтения — 2020 г. Материалы международной научно-практической конференции «Изучение истории Великой Отечественной войны: источники, методы исследований и результаты. Итоги научно-исследовательской деятельности к 75-летию Победы» (ПермГАСПИ, 5–6 ноября 2020 г.). Пермь, 2021. С. 165.

⁵⁴ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 39, л. 122.

Административные органы юстиции также имели право поощрять судебных работников⁵⁵. Так, в 1942 г. ряд народных судей прифронтовых областей и районов боевых действий, не оставляя основной деятельности, входили в истребительные батальоны и партизанские отряды, двое из них погибли. Приказом наркома юстиции РСФСР 14 марта 1942 г. 23 судьям Московской, Калининской, Ростовской и Тульской областей, отличившимся в борьбе с захватчиками, объявили благодарность и выдали денежные пособия⁵⁶. В первом полугодии 1943 г. нарком поощрил 40 судей, во второй половине того же года – 21⁵⁷.

Рассмотрение механизма судебного управления в годы войны показывает, что в советской системе соединения властей административные органы юстиции играли двоякую роль. Для проведения политической линии верховной власти и поддержания устойчивости партийно-государственной системы судебные органы должны были работать по определённым правилам, руководствуясь единообразным пониманием закона и обеспечивая предсказуемость решений. Наркомат юстиции РСФСР исправлял прямые нарушения в применении законодательства, отменял незаконные директивы местных управлений, выявлял противоправные приговоры и решения судов, принимал меры по устранению недостатков в организации их работы, стимулировал судей посредством поощрений и дисциплинарных взысканий. Одновременно многие секретные указания административных органов юстиции сами носили противоправный характер и грубо нарушали закон, а ревизии и проверки судов часто не исправляли допущенные ошибки. При этом степень несамостоятельности судебных органов оказывалась различной в зависимости от видов преступлений и их злободневности.

Таким образом, система органов управления юстицией балансировала между противоправным давлением на суды и стремлением добиться единообразия в их деятельности и исполнении ими законов. Обе линии приводили к широкомасштабным репрессиям в отношении граждан, зачастую неосновательным и весьма жестоким, однако их сочетание обусловило относительную устойчивость системы и её способность к функционированию в военных условиях.

⁵⁵ Там же, ф. Р-9492, оп. 1, д. 63, л. 151–152.

⁵⁶ Там же, ф. А-353, оп. 13, д. 47, л. 12–16.

⁵⁷ Там же, оп. 16, д. 47, л. 12 об.–13 об., 95–97.